

Издание осуществлено при финансовой поддержке Министерства
печати и Министерства культуры Российской Федерации

Почтовый адрес редакции:

129626 Москва, а/я 55, Россия
тел.: + 7 495 976-4788; факс: + 7 495 977-0828
e-mail: nlo@nlo.magazine.ru
Представительство в С.-Петербурге:
тел./факс: + 7 812 316-72-57

Сайт издательства «Новое литературное обозрение»
<http://www.nlo.magazine.ru>

Подписка по России:

в объединенном каталоге
«Почта России»:
подписной индекс 39356

«Роспечать»:
подписной индекс 47147 (на полугодие)
подписной индекс 48947 (на весь год)

Зарубежная подписка:

Kubon & Sagner: Heßstr. 39/41, 80798, München, Germany
tel.: 49 89-54-218-130; fax: 49 89-54-218-218
e-mail: postmaster@kubon-sagner.de

ISSN 0869-6365

© Новое литературное обозрение, Москва, 2006
При перепечатке материалов ссылка на «НЛО» обязательна

литературное
НОВОЕ
обозрение

№ 79 (2006)

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ, КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Редакция

Ирина Прохорова (главный редактор)
Александр Дмитриев (теория)
Мария Майофис (история)
Илья Кукулин (практика)
Абрам Рейтблат (библиография)
Оксана Тимофеева (хроника научной жизни)

Редколлегия

Константин Азадовский (Петербург)
Хенрик Баран (Олбани, Нью-Йорк)
Николай Богомолов (Москва)
Томаш Гланц (Прага)
Борис Дубин (Москва)
Виктор Живов (Москва / Беркли)
Александр Жолковский (Лос-Анджелес)
Андрей Зорин (Оксфорд / Москва)
Александр Лавров (Петербург)
Джон Малмстад (Кембридж, Массачусетс)
Александр Ошоват (Москва / Лос-Анджелес)
Пекка Песонен (Хельсинки)
Олег Проскурин (Москва)
Роман Тименчик (Иерусалим)
Евгений Тоддес (Рига)
Александр Эткинд (Кембридж / Петербург)
Михаил Ямпольский (Нью-Йорк)

МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

№ 79 (2006)

КОНТЕКСТЫ БАХТИНА

МАРК ЛИПОВЕЦКИЙ, ИРИНА САНДОМИРСКАЯ	7	Как не «завершить» Бахтина? <i>Переписка из двух электронных углов</i>
В. МАРКОВИЧ	39	О Бахтине «подлинном» и Бахтине «реальном»
И. Л. ПОПОВА	50	Почти «юбилейное»: замечание к десятилетию выхода 5-го тома <i>Собрания сочинений М.М. Бахтина</i>
КРЕЙГ БРАНДИСТ	56	Необходимость интеллектуальной истории (<i>авторизованный пер. с англ. Н. Моввиной</i>)
Е. ДОБРЕНКО	69	Карнавал эпохи Москвошвеев
СЕРГЕЙ УШАКИН	73	Вне находимости: Бахтин как чужое свое

КОНТЕКСТЫ «РАБЛЕ»

И. Л. ПОПОВА	86	«Лексический карнавал» Франсуа Рабле: <i>книга М.М. Бахтина и франко- немецкие методологические споры 1910—1920-х годов</i>
НИКОЛАЙ ПАНЬКОВ	101	Керченские терракоты и проблема «античного реализма»: <i>книга М.М. Бахтина о Рабле и русская наука об античности конца XIX— первой половины XX в.</i>

КНИГА КАК СОБЫТИЕ

Тименчик Р.Д. *Анна Ахматова в 1960-е годы. М.; Торонто:
Водолей Publishers; The University of Toronto, 2005. — 784 с. —
(Toronto Slavic Library. Vol. 2).*

	120	От редактора
А. В. ЛАВРОВ	122	«Поимённо...»

2)

КОНСТАНТИН АЗАДОВСКИЙ	126	Бесконечность
ЮРИЙ ЦИВЬЯН	130	Две реплики
ГАЛИНА МИХАЙЛОВА	130	Семисвечник Романа Тименчика
Н. В. КОТРЕЛЕВ	141	Письмо в редакцию
АЛЕКСАНДР ЭТКИНД	145	Форма нон-финито
ДИНА ХАПАЕВА	147	Сноска в семьсот страниц
КЕВИН ПЛАТТ	153	Преданность многоточию
ЕЛЕНА МИХАЙЛИК	156	«Анна Ахматова в 1960-е годы»: комментарий как литературный прием
ИРИНА КАСПЭ	164	Борьба со временем
АЛЕКСАНДР СКИДАН	170	Фигура умолчания
АЛЕКСЕЙ ПАРЩИКОВ	177	Проект «Ахматова»
НАТАЛЬЯ ГОРБАНЕВСКАЯ	185	«Кто же сможет в этом разобраться?»

IN MEMORIAM

ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА ИВАНОВА
(7.05.1948, Ленинград — 25.02.2006, Санкт-Петербург)

	187	Биографическая справка
Н. А. БОГОМОЛОВ	187	Памяти Ларисы Николаевны Ивановой
АЛЕКСАНДР ДОЛИНИН, ЛЮБОВЬ КИСЕЛЕВА, АЛЕКСАНДР ОСПОВАТ, РОМАН ТИМЕНЧИК	188	Человек благоволения
КОНСТАНТИН АЗАДОВСКИЙ	189	Вослед Ларисе
НИКОЛАЙ КОТРЕЛЕВ	191	Светлая память
	192	Библиографический указатель работ Л.Н. Ивановой (<i>сост. Т.А. Кукушкина</i>)

ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ АЙГИ
(21.08.1934, дер. Шаймурзино — 21.02.2006, Москва)

ГЕННАДИЙ АЙГИ	199	Из стихотворений и записей 2001— 2003 годов
ОЛЬГА СЕДАКОВА	200	Айги: Отъезд

3)

СЕРГЕЙ ЗАВЬЯЛОВ	205	Поэзия Айги: разговор с русским читателем
МИКАЭЛЬ НЮДАЛЬ	213	Айги: письмо шведского читателя (авторизованный пер. со шведск. М. Людковской)
АТНЕР ХУЗАНГАЙ	217	Вопрошание о Боге

АРХИВ КАК ЖАНР

	223	От редактора
АЛЕКАНДР БАРАШ	226	Архив как жанр: архитектоника личной памяти
ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПРИГОВ	238	Три дружеских послания художнику и сочинителю Григорию Давидовичу Брускину о вербальной деятельности последнего
ЕЛИЗАВЕТА МНАЦАКАНОВА — НИКОЛАЙ ХАРДЖИЕВ	248	«Причастность к силе букв» (переписка 1981—1993 годов; вступ. статья, подготовка текста и публикация Е.А. Мнацакановой)
ДАНИЛА ДАВЫДОВ	267	Пограничный случай [Рец. на кн.: Смирнов Юрий. Слова на бумаге: Стихотворения, записи, наброски. — М.: Культурный слой, 2004]

К 10-ЛЕТИЮ СМЕРТИ ИОСИФА БРОДСКОГО

МИХАИЛ МЕЙЛАХ	273	«Поэт сам узнает по темпераменту своего предшественника...» (Из разговоров с Иосифом Бродским)
---------------	-----	--

ХРОНИКА СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АНДРЕЙ УРИЦКИЙ, АНДРЕЙ ГРИЦМАН, АЛЕКСАНДР ЧАНЦЕВ, АНДРЕЙ ЩЕТНИКОВ, НАТАЛИЯ СТРЕЛЬНИКОВА, КСЕНИЯ РОЖДЕСТВЕНСКАЯ	286	Рец. на кн.: Гиришвиц Л. «Вий», вокальный цикл Шуберта на слова Гоголя. Роман. М., 2005; Хвостенко А. Верна. Стихотворения, поэмы, рисунки. Тверь, 2005; Иличевский А. Бутылка Клейна. Избранная проза. М., 2005; Полещук В. Мера личности. Стихотворения. М.; Тверь, 2006;
---	-----	---

Дяченко М., Дяченко С. Жирафчик и Пандочка. Маленькие истории больших друзей. Киев, 2004; nobody01@inbox.ru. Мертвые могут танцевать: Путеводитель на конец света. СПб., 2005

БИБЛИОГРАФИЯ

ШОЛОХОВ КАК ВЫЗОВ

		(Обсуждение книги: Бар-Селла Зеев. Литературный котлован. Проект «Писатель Шолохов». М., 2005)
С. КОРМИЛОВ	308	«Литературное чучело»
А. РЕЙТЪЛАТ	317	«Шолохов» и Шолохов
ЕВГЕНИЙ ДОБРЕНКО	319	Между литературоведением и детективом
Б.М. ВИТЕНБЕРГ	325	Приключения радикального либерализма в стране силовиков (Обзор книг об исторических корнях российского либерализма)
ВАЛЕРИЙ ШУБИНСКИЙ	336	Перековка (Обзор книг о «перестройке» русских писателей в 1920—1930-е гг.)
РЕВЕККА ФРУМКИНА	348	Мысли «простых» людей (Рец. на кн.: Козлова Н. Советские люди: Сцены из истории. М., 2005)
В. А. КОШЕЛЕВ	357	«Ужель загадку разрешила?...» (Рец. на кн.: Шварцбанд С.М. История текстов: «Гавриилиада», «Подражания Корану», «Евгений Онегин» (гл. I—IV). М., 2004; Фомичев С.А. «Евгений Онегин»: Движение замысла. М., 2005)
И. В. ПЕШКОВ	364	О магистральных подходах и текстологических принципах (Рец. на кн.: Микеладзе Н.Э. Шекспир и Макиавелли: тема «макиавеллизма» в шекспировской драме. М., 2005)
А. В. БУРЛЕШИН	370	Из песенки слов не выкинешь... (Рец. на кн.: Конкорданс к стихотворениям М. Кузмина. Т. 1. М., 2005)
	385	Новые книги

- ВЕРА КАЛМЫКОВА, 420 Именинки Абрашки Терца, или
ИОАННА ДЕЛЕКТОРСКАЯ Международная конференция
«Андрей Синявский — Абрам Терц:
облик, образ, маска» (10—11 октября
2005 г., ВГБИЛ)
- ВЕРА КАЛМЫКОВА 423 Международная научная
конференция «Андрей Белый
в изменяющемся мире» (Москва,
26 октября — 1 ноября 2005 г.)
- ОЛЬГА БАЛЛА 428 III Международная научная
конференция «Русско-еврейская
культура» из цикла «История
и культура российского
и восточноевропейского еврейства:
новые источники, новые подходы»
(Москва, гостиница «Украина»,
4—6 декабря 2005 г.)
- ЕЛЕНА ОБАТНИНА 434 Международная конференция
«Восприятие французской
литературы русскими писателями-
эмигрантами в Париже. 1920—1940»
(Женева, 8—10 декабря 2005 г.)
- 442 Письмо в редакцию
- 444 Summary

Сергей Ушакин

ВНЕ НАХОДИМОСТИ: БАХТИН КАК ЧУЖОЕ СВОЕ

Текст живет, только соприкасаясь с другим текстом (контекстом). Только в точке этого контакта текстов вспыхивает свет, освещающий и назад и вперед, приобщающий данный текст к диалогу. Подчеркнем, что этот контакт есть диалогический контакт между текстами (высказываниями), а не механический контакт оппозиций... За этим контактом — контакт личностей, а не вещей... Если мы превратим диалог в один сплошной текст, т.е. сотрем разделы голосов (смены говорящих субъектов)... то глубинный (бесконечный) смысл исчезнет (мы стукнемся о дно, поставим мертвую точку)¹.

Михаил Бахтин

Бахтин — разбитый мыслитель, и осколки его мысли летят во все направления. ...Функция осколков в мышлении Бахтина настойчиво указывает на необходимость осознать, как грани того или иного произведения оказываются в контакте с другими гранями...²

Энтони Уолл

Важно чувство разобщенности форм и свободное с ними обращение. Представление слитности литературного произведения у меня заменено ощущением ценности отдельного куска. Вместо сливания кусков мне интересны их противоречия³.

Виктор Шкловский

В январе 1976 года, открывая в College de France цикл лекций на тему «Общество нужно защищать», Мишель Фуко суммировал суть своего исследования. Реализуя на практике свой — постницшеанский — проект, Фуко призвал фиксировать события в их неповторимости, т.е. «вовне по отношению к какой бы то ни было монотонной завершенности» (*outside of any monotonous finality*)⁴. Традиционному историческому методу, выстраивающему в линейную последовательность факты, явления, документы, поступки, слова и вещи, философ противопоставил «археологию» и «генеологию». Как отмечал Фуко:

1 *Бахтин М.М.* Рабочие записи 60-х — начала 70-х годов // *Бахтин М.М. Собрание сочинений.* Т. 6. М., 2002. С. 424.

2 *Wall Anthony.* A Broken Thinker // *The South Atlantic Quarterly.* Summer 1998. Vol. 97 (3/4). P. 669, 677.

3 *Шкловский В.Б.* Гамбургский счет. СПб.: Лимбус-Пресс, 2000. С. 219.

4 См. подробнее: *Foucault M.* Nietzsche, genealogy, history // *Foucault M.* Aesthetics, Method, and Epistemology. Essential Works of Foucault, 1954–1984 / Ed. by James Faubion. Vol. 2. New York: The New Press, 1998. P. 369.

По сравнению с попыткой вписать знания во властные иерархии, типичные для науки, генеалогия — это своего рода попытка раскрепостить (*desubjugate*) исторические знания, освободить их; иными словами — дать им возможность противостоять и противоречить давлению нивелирующего (*unitary*), формального, научного дискурса. Задача этих беспорядочных и разрозненных генеалогий в том, чтобы возобновить местные знания... Говоря по сути: археология — это метод, характерный для анализа местных дискурсивностей. В свою очередь, генеалогия — это тактика, которая — описав эти местные дискурсивности — способна ввести в игру раскрепощенные знания, уже не связанные оковами этих дискурсивностей⁵.

Понятно, что фрагментирующие методы и тактики такой «теории прерывности» (*a theory of discontinuity*) для Фуко — не самоцель. Скорее, предложенная методология становится способом диагностики «болевых точек» самого процесса исследования. Упреки в том, что «генеалогические фрагменты» не способны произвести целостную картину (или теорию), у французского мыслителя оказываются поводом для пристального анализа стремления к целостности или — чуть иначе — поводом для исследования причин, лежащих в основе неприятия дискретного и прерывистого взгляда на мир, историю или жизнь. В итоге традиционная ось базовых отношений «*познание/истина*» (т.е. от структуры познания к потребности в истине), которая, собственно, и определяет динамику истории науки — противопоставляется у Фуко оси, сформированной отношениями между *дискурсивностью* и *властью*, вдоль которой и выстраивается генеалогия знания⁶.

Теоретические и даже терминологические параллели между теорией прерывности Фуко и бахтинской философией «незавершенности» очевидны. Бездна предвещенности и законченности слова и смысла, эта своеобразная кончина прежде смерти⁷, выступающая у Фуко под именем «дискурсивной целостности», у Бахтина также оказывается продуктом авторитетной и авторитарной «авторской» деятельности; рассеянность и разбросанность героя в «заданном мире познания и открытом событии этического поступка», фрагменты и самого героя, и его жизни восполняются «до целого» автором, способным переживать «жизнь героя» в иных категориях и иных контекстах⁸.

Показательно, что и у Фуко, и у Бахтина «бунт» против авторской «литературной завершенности» ведет к «устранению» автора. Для Фуко «смерть автора» — точнее, призыв к принципиальной и универсальной анонимности текстов — оказывается (утопическим) способом освобождения от автора как «идеологической фигуры, с помощью которой маркируется направление наших страхов, вызванных разрастанием смысла»⁹. Авторство, в итоге, трактуется как функциональный принцип, позволяющий

5 Foucault Michel. «Society Must Be Defended». Lectures at the College de France. 1975–1976. New York: Picador, 2003. P. 11.

6 Ibid. P. 178.

7 См., например: Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 6. М., 2002. С. 68.

8 См. подробнее: Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 1. М., 2003. С. 67.

9 Foucault M. What is an Author? // M. Foucault. Aesthetics, Method, and Epistemology. P. 222.

осуществить операции ограничения, исключения и отбора, т.е. операции, благодаря которым создаются препятствия для свободной циркуляции, свободного обращения, свободного соединения, расчленения и нового соединения» текста¹⁰.

У Бахтина сходная операция преодоления авторской завершенности осуществляется менее радикально, но не менее решительно: *внешняя* собранность и стройность героя есть следствие «пространственной, временной, ценностной и смысловой *внезаходимости*» автора¹¹ (курсив мой. — С.У.). Принципиальным, иными словами, становится не столько сознательный отказ подчиниться власти имени/функции автора («Каков был статус записей де Сада до того, как он стал считаться автором? Просто рулоны бумаги, на которых он неустанно разматывал свои фантазии во время тюремного заключения»)¹², сколько осознание исходной позиционной несовпаемости, изначальной этико-пространственной несопоставимости «речевых субъектов»¹³, субъектов текста («автор»/«читатель») и субъектов в тексте («герои»). Экскавация фрагментов знания, фиксация их временной местоположенности («археология» и «генеалогия»), предложенные Фуко, дополняются у Бахтина своеобразной *географией* гуманитарного знания, пространственной локализацией — *топологией* — и знания, и его носителей. Как писал Бахтин:

Очень важная методологическая задача — правильно ориентировать произведение во времени (в большом времени, а не в ближайшем). Одновременно нужна и пространственная (географическая) широта и глубина осмыслений. Борьба со схематизмом не путем абстрактной критики этих схем, а путем положительного раскрытия и открытия тех явлений жизни, которые в схему не укладываются, не могут быть увиденными при данной схеме. И это приводит не к созданию новой схемы, а к расширению мира¹⁴.

Эта тема пространства мне кажется принципиальной для сегодняшних попыток «не завершить» Бахтина, и в своих заметках, спровоцированных перепиской Марка Липовецкого и Ирины Сандомирской (далее — М.Л./И.С.), мне и хотелось бы остановиться на методологической и теоретической роли «местности» — будь то в борьбе со схематизмом через «расширение мира» у Бахтина или в ходе преодоления гносеологических иерархий путем «раскрепощения *местных* дискурсивностей» у Фуко¹⁵. Цель этих заметок — не в том, чтобы дать законченное обоснование определенного взгляда на Бахтина; данный текст — это лишь попытка обозначить определенный контекст, в котором может происходить актуализация бахтинского наследия.

10 Ibid. P. 221.

11 См., например: Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности. С. 96.

12 Foucault M. What is an Author? P. 207.

13 Бахтин М.М. Язык в художественной литературе // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 5. М., 1996. С. 290.

14 Бахтин М.М. Рабочие записи 60-х — начала 70-х годов. С. 400.

15 Подробнее о теоретических параллелях между идеями Фуко и Бахтина см., например: Tate Shirley Anne. Foucault, Bakhtin, Ethnomethodology // Tate S. A. Black Skins, Black Masks: Hybridity, Dialogism, Performativity. Aldershot: Ashgate, 2005. P. 13–31.

Используя различие между двумя осями исторического анализа, обозначенными Фуко («познание/истина» vs. «дискурсивность/власть»), я сосредоточусь на отдельных положениях работ Бахтина и их перекличке с текстами Жака Лакана. При этом возможные дискурсивные параллели интересуют меня не столько в контексте анализа скрытых или провозглашенных оппозиций («правда/ложь», «знание/истина» и т.п.), сколько как пример использования определенных символических структур — в данном случае метафор пространства — для оформления и упорядочивания индивидуального опыта. Бахтинская идея вненаходимости — понятая и как «нехватка» (т.е. состояние неполного присутствия)¹⁶, и как невозможность четкой пространственной фиксации (т.е. как состояние вне пределов локализации) — будет ключевой для моих комментариев.

Во многом следуя давнему предложению Юлии Кристевой, выдвинутому в статье о Бахтине, я буду рассматривать вненаходимость не как позицию, противостоящую тексту/идентичности/герою (т.е. как позицию, с которой тексту предписывается определенная структура), но как своеобразный интерфейс, благодаря которому «литературная структура не *наличествует*, но *вырабатывается* по отношению к другой структуре»¹⁷. В этой трактовке вненаходимость субъекта по отношению к слову — т.е. субъективное ощущение неполноты и невысказанности в доступных/заимствованных дискурсивных формах — оказывается фундаментальной характеристикой речевой деятельности человека. Деятельности, сводящейся, как писал Бахтин, к «процессу освоения — более или менее творческого — чужих слов (а не слов языка)»¹⁸. В комментариях Кристевой возможность такого «подключения» своего опыта к чужим словам, текстам и образам приобретает принципиальное значение: *о-своение* слова осуществляется как его динамизация и дестабилизация¹⁹, как его своеобразное *остранение*²⁰. Важно и другое: «письмо-чтение», с помощью которого и реализуется «подключение» к дискурсу, трансформирует диахронию в синхронию, «и в свете этой трансформации *линейная* история оказывается не более чем одной из возможных *абстракций*»²¹. Подчеркну: «гетеротопичность» дискурса и истории²², их превращение в полифоническое «место пересечения текстовых плоскостей»²³ *достигаются*, а не преодолеваются при помощи вненаходимости.

16 См. подробнее: Лакан Жак. Семинары. Книга 2: «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа / Пер. А.Ф. Черноглазова. М.: Гнозис, 1999. С. 318.

17 Кристева Юлия. Бахтин, слово, диалог и роман // Михаил Бахтин: pro et contra / Сост. К.Г. Исупова. Т. 1. СПб.: РГХИ, 2001. С. 213.

18 Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // М. Бахтин. Собрание сочинений. Т. 5. М., 1996. С. 193.

19 Кристева Юлия. Бахтин, слово, диалог и роман. С. 214.

20 См., например: Шкловский В.Б. Обновление понятия // Шкловский В.Б. Повести о прозе. Размышления и разборы. Т. 2. М.: Художественная литература, 1966; см. также: Шкловский В.Б. Воскрешение слова // Шкловский В.Б. Гамбургский счет. М.: Советский писатель, 1990.

21 Кристева Юлия. Бахтин, слово, диалог и роман. С. 214.

22 Фуко ввел понятие «гетеротопия» для обозначения места, в котором действительно существующие социальные пространства «одновременно представлены, оспорены и вывернуты наизнанку». Дестабилизирующее объединение несовместимого, гетеротопия — это «пространство без места» (a place without place) (Foucault Michel. Of Other Spaces // Diacritics. 1986. Vol. 16. № 1. P. 22, 27).

23 Кристева Юлия. Бахтин, слово, диалог и роман. С. 214.

Прежде чем перейти собственно к комментариям — несколько слов о «завершенности» Бахтина на «Западе», с которой М.Л./И.С. и начали свою переписку. Мне кажется, что тезис о «лучезарном восприятии» Бахтина в нерусскоязычной аудитории — это все-таки удобный риторический прием, своего рода соломенное чучелко-аргумент, на котором можно безболезненно практиковать дискуссионные навыки. По большому счету, за пределами западной славистики идет не столько «завершение», сколько встраивание бахтинского метода (и терминологии) в уже сложившийся аналитический исследовательский аппарат и исследовательскую проблематику²⁴. Нередко эти исследования крайне далеки от сугубо литературоведческих и/или филологических споров — будь то изучение прав человека в Мексике²⁵, описание ритуальных танцев свиной головы на Юкатане²⁶ или организация помощи он-лайн страдающим от обжорства в США²⁷.

Восприятие и ассимиляция Бахтина вне русскоязычной академической среды — это восприятие фрагментарное, осколочное, зачастую компромиссное. Надеяться на «фундаментальное» прочтение бахтинских идей в других (иноязычных) дисциплинах — дело, в общем-то, утопическое, если не безнадежное. Что, впрочем, вряд ли является сколько-нибудь специфичным явлением: сходным — *выборочным* — образом происходила (и происходит) в США, например, ассимиляция Фуко или, допустим, Лакана. Не менее выборочно, впрочем, происходит и встраивание работ, например, М. Фуко, П. Бурдьё или К. Шмитта в гуманитарный дискурс в России. Единственной радикальной особенностью «западного» освоения иностранных авторов, наверное, является то, что «осколочность» и «выборочность» «подключения» предопределены там институционально. Обилие журналов и академических форумов позволяет реализовывать практики текстуальных пересечений без оглядки на авторитеты и традиции, которые сложились в «исходных» дисциплинах. Для участников такого «подключения» детальные дебаты, скажем о характере преемственности между текстами «раннего» или «позднего» Бахтина, не более актуальны, чем, допустим, аналогичные внутрицеховые дискуссии между сторонниками «раннего» или «позднего» Фрейда для поклонников фильмов Вуди Аллена или текстов

24 Анализ восприятия Бахтина в работах западных славистов заслуживает отдельного исследования и в рамках данного текста не входит. В качестве примера «незавершающего» отношения к Бахтину приведу лишь один сборник — вышедший в 1998 году специальный выпуск одного из ведущих академических журналов в США по теории и истории литературы — *The South Atlantic Quarterly*. Показательно озаглавленный — *Bakhtin/«Бахтин»: исследования в архивах и за их пределами*, спецвыпуск попытался продемонстрировать несоизмеримость Бахтина — автора и человека — и «Бахтина», сформированного в текстах его исследователей и публикаторов. См.: Bakhtin/«Bakhtin»: Studies in the Archive and Beyond. Special Issue of *The South Atlantic Quarterly* / Ed. by Peter Hitchcock. 1998. Vol. 97 (3/4).

25 Evans Fred. Voices of Chiapas: The Zapatistas, Bakhtin, and human rights // *Philosophy Today*. 1999. Vol. 43. P. 196–210.

26 Loewe Ronald. Yucatan's Dancing Pig's Head (Cuch): Icon, Carnival, and Commodity // *Journal of American Folklore*. 2003 (Fall). Vol. 116 (462). S. 420–443.

27 Walstrom Mary K. «The Eating Disorder is Not You» — Applying Bakhtin's Theories in Analyzing Narrative Co-construction in an Internet Support Group // *Studies in Symbolic Interaction*. 2000. Vol. 23. P. 241–260.

Славоя Жижека. Заимствованный («чужой») концептуальный аппарат используется для ревизии и реконструкции «своего» материала или дисциплины. Во многом такое заимствование сходно с антропологическим исследованием — сколько бы ни претендовали антропологи на *воссоздание* в своих текстах жизни других народов и культур, этно-*графия* зачастую все-таки оказывается «переводом» незнакомых сюжетов на язык знакомых фабул²⁸. Вполне по-бахтински диалог здесь выстраивается через определение общих («своих—чужих») взглядов, понятий, концепций. Нередко такой диалог — это диалог личностей: Бахтин и Шекспир, Бахтин и Диккенс, Бахтин и Беньямин, Бахтин и Грамши²⁹. Как правило, цель таких заочных диалогов не в том, чтобы прояснить (линейную) историю идей; во многом — их задача в том, чтобы отметить точки соприкосновения различных текстов в сегодняшнем контексте, обозначить или расширить его границы, преодолеть окостенелость устоявшихся практик чтения и интерпретации. Не важно, *кто* говорит, — не устал повторять Фуко, — важно понимать способы существования того или иного дискурса, условия его существования, циркуляции и присвоения³⁰. Значимость изначального авторства в этих диалогах нередко утрачивает свою телеологическую функцию, позволяя обратить внимание на упущенные фрагменты, на их пересечение и их переключку — даже если они разделены во времени и пространстве. Как писал Бахтин: «Именно эти кусочки-целые прорываются и частично способны раскрыть свое существование, когда нарочито прерываются систематические контексты (речевые, прагматические и т.п.)»³¹.

ВНЕАХОДИМОСТЬ (КАК ФОРМА) ИДЕНТИЧНОСТИ

Свои возражения против попыток прочтения Бахтина через линзы «внеаходимости» Марк Липовецкий в «Переписке...» сводит, в основном, к противопоставлению *полифонии* и *завершенности*: полифония, это многоголосие разрозненных биографий (если не генеалогий) преодолевается благодаря гомогенизирующему взгляду извне. С высоты «птичьего полета» автора хаотическая раздробленность приобретает упорядоченность; многоголосие оказывается хорошо аранжированным одновременным ис-

28 Подробнее об этом см.: Ушакин С. Количество стилей: потребление в условиях символического дефицита // Социологический журнал. 1999. № 3/4. С. 235–250 (URL: <http://win.www.nir.ru/socio/scipubl/sj/sj3-4-99.html>).

29 См., например: *Haynes Jonathan*. Shakespeare and carnival: After Bakhtin // Shakespeare Quarterly, 2000. Vol. 51 (4). P. 495–496; *Wilkinson Ian*. Textual ventriloquy: Dickens's «Sketches by Boz» through Bakhtin // Dickens Quarterly. 2003. Vol. 20 (4). P. 225–239; *Rajeev S. Patke*. Benjamin and Bakhtin: The Possibility of Conversation // International Journal of Narrative Theory. 2003. Vol. 33 (1). P. 12–32; *Ives Peter*. Gramsci's Politics of Language: Engaging the Bakhtin Circle and the Frankfurt School. Toronto: University of Toronto, 2004.

30 См.: *Foucault M*. What is an Author. P. 222.

31 *Бахтин М.М.* Рабочие записи 60-х — начала 70-х годов... С. 438. Подробную дискуссию об использовании сходного метода детали в историческом исследовании см.: *Ginzburg Carlo*. Clues: The Root of an Evidential Paradigm // *Ginzburg C*. Clues, Myths, and the Historical Method. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986. P. 96–125.

полнением заранее выученных несовпадающих партий. Соответственно, чтение, понятое как следование переключке «голосов-партий», вытесняется чтением, способным фиксировать/контролировать моменты «вступления» и «умолкания» этих голосов. Полифония, таким образом, превращается в неузнанную гармонию.

Соглашаясь — в принципе — с возможностью такого прочтения «внеаходимости», мне бы хотелось заметить, что подобная дирижерски-дирижистская трактовка предполагает смешение двух — обычно несовпадающих — регистров анализа. Синхронизм полифонии, ее присутствие здесь и сейчас, прочитывается в данном случае с точки зрения диахронической (линейной?) логики движения составляющих эту полифонию голосов. И в этой диахронной — регулирующей — версии «внеаходимости» меня смущает несколько моментов. Первый из них связан с очевидным стремлением к объективации текста — при правильном угле зрения обилие фрагментов («полифония») неожиданно складывается в мозаику. И целостность этой мозаики, судя по всему, есть не эффект воспринимающей оптики, не функция дистанции, а характеристика самого текста/слова/идентичности. Незавершенность текста/героя/субъекта была мнимой с самого начала: мы смотрели на них не с той стороны.

Второй момент касается собственно стратегий чтения, при которых диахронная версия внеаходимости была бы возможной. Текст в данном случае распадается на серию аналитических уровней: уровень многоголосия отдельных героев, уровень отношений *между* голосами героев, уровень отношений между голосом автора и голосом/голосами героев в тексте, уровень отношений между полифонией текста в целом и внеаходимой позицией автора и т.п. Сходная иерархия отношений может быть выстроена, соответственно, между автором и читателем, с одной стороны, и читателем и текстом — с другой. Дело не в том, можно ли реализовать на практике эту дурную бесконечность структуралистского чтения, при котором «кусочки-целые» превращаются в элементы структуры. Суть проблемы в том, что ступени этой лестницы — направление которых и задается исходным стремлением «развести» полифонию и внеаходимость — ведут, как говорил Виктор Шкловский, к нарисованным дверям. Диахронический анализ заинтересован не в одномоментном присутствии/пересечении разрозненных «голосов», не в расщепленном, раздробленном и пульсирующем тексте, а в последовательном развитии *отдельных частей* целого — в той самой нормализующей истории «голосов», против которой выступал Фуко.

Наконец, третий момент связан с происхождением полифонии и той ролью автора, которые диахроническая версия внеаходимости предполагает. Противопоставление полифонии и внеаходимости логически сводит участие автора в процессе формирования многоголосья к стратегическому конструированию разрозненности. Из основополагающей характеристики знака различия превращается в *прием* сюжетостроения, в техническое средство, с помощью которого достигается стилистическая неповторимость текста. В свою очередь и статус самой текстуальности (в иной транскрипции — дискурсивности) сводится к положению некоей ситуативной *возможности*, а не базового принципа осмысления и означивания. Диахронизм завершающей внеаходимости, говоря иначе, предполагает в качестве неизбежного и необходимого условия своей эффективности *внетекстуальное* существование автора/читателя/критика.

Цель этой краткой экспликации предпосылок, заложенных в противопоставлении полифонии и вненаходимости, повторюсь, не в том, чтобы поставить под сомнение его — противопоставления — правомочность. Задача в другом — показать, что эта сконструированная несовместимость двух ключевых бахтинских понятий имеет вполне определенные — структуралистские — так сказать, корни и плоды, которые вряд ли могут способствовать — и здесь я абсолютно согласен с Липовецким — незавершаемости Бахтина. Стоит ли двигаться в этом направлении?

Мне бы хотелось показать, что несовместимость полифонии и вненаходимости не является ни обязательной, ни необходимой. Для этого я хочу сместить фокус анализа — вместо фиксации на вненаходимости *субъектов текста* (автора и/или читателя) по отношению к самому тексту, на котором, как я понимаю, и базируются возражения Липовецкого, я хочу обратить внимание на (синхронную) вненаходимость «автора» для «героя». В данном прочтении авторская вненаходимость не столько противостоит идентичности «героя», сколько становится ее/его неотъемлемой частью. Точнее — принципиальная вненаходимость и недостижимость завершающего жеста по отношению к идентичности «героя», собственно, и служат источником его непрерывающегося поиска ответа на «последние вопросы»³². Понятно, что под «героем» здесь подразумевается не только литературный персонаж, но любой индивид, локализованный в семиотическом пространстве, любой *субъект в тексте*, любой «речевой субъект» (Бахтин) или «субъект речи» (Бахтин/Лакан)³³.

Напомню, что одной из ключевых тем в бахтинской «Риторике...»³⁴ является тема пространственного несовпадения — несовпадение субъекта и его места в жизни, несовпадение внешнего образа и внутреннего содержания предмета, несовпадение внутренней и внешней точек зрения (на себя, предмет и т.п.). Показательно, что у Бахтина этот топографический диссонанс, этот разлад (отсутствие гармонии?) не становятся ни поводом для рефлексии о несовершенстве репрезентативных практик или структур познания, ни импульсом к потенциальному «улучшению» этих практик и структур. Наоборот, именно «точка несовпадения» оказывается источником и контекстом «событий». Именно зазор между «точкой зрения извне» и «точкой зрения изнутри на себя самого» и становится тем местом, где разворачивается «вечная тяжба в процессе самосознания “я” и “другого”» (64). В 1964 году, используя эту же логику, Жак Лакан в «*Четырех основных понятиях психоанализа*» придаст «точке несовпадения» процессуальный характер:

Отношения субъекта с Другим целиком зарождаются в процессе зияния. В противном случае все могло бы быть налицо, перед нами. ... Возникновение означающего в поле Другого приводит к возникновению субъекта его [т.е. означающего. — С.У.] значения. Но означающее не способно, однако, функционировать как таковое, не сведя субъект в то же

32 См. подробнее мою статью: Ушакин С. «Человек рода он»: футляры мужественности // Вопросы философии. 2005. № 7.

33 См.: Бахтин М.М. Язык в художественной литературе // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 5. С. 290, 291.

34 Бахтин М.М. «Риторика, в меру свой лживости...» // Там же. С. 64. Далее все ссылки на эту статью даются по тексту в скобках.

мгновение к чистому означающему, не фиксируя его намертво тем самым движением, которое его же, этот субъект, к действию и речи вызвало...³⁵

Лакановский «процесс зияния», эта точка несовпадения, растянутая во времени, на мой взгляд, позволяет лучше понять логику отношений между «я» и «Другим», о которых пишет Бахтин. Процесс зияния не только обнажает несовпадение означающего (Другого) и значения (субъекта) — т.е. ту самую несовместимость между, соответственно, «точкой зрения извне» и «точкой зрения изнутри»; процесс зияния также постоянно конституирует и воспроизводит еще один принципиальный разрыв. Придя из «поля Другого», означающее — т.е. «чужое» слово, образ и т.п. — отмечает и локализует место субъекта в процессе символической циркуляции. Это оформление субъекта в означающем, однако, имеет двойственную природу — придавая субъекту определенную ценность/значение, «закрепляя и санкционируя его... [означающее] одновременно его профанирует»³⁶. Платой за место в цепочке означающих, иными словами, становится «зачочность» присвоенного образа.

Каковы пути решения этого конфликта? Каковы траектории событий, заданных этой пространственно-смысловой несовпадаемостью самовосприятия и тех (освоенных) слов, с помощью которых это самовосприятие формулируется? Одной, судя по всему, наименее привлекательной траекторией у Бахтина является слияние субъекта с его образом. Фиксируя «предмет» на карте визуального и семантического пространства, образ «и скрывает, и преувеличивает», являясь в отношении предмета «либо ударом извне, либо даром ему извне» (67). Обозначая пределы — «затылок, уши и спина предмета», — образ заставляет предмет «совпасть с самим собой» (67).

При всем своем негативизме это умерщвляющее и объективирующее воздействие внешнего образа, эта успешная оформленность субъекта в означающем, это завершённое присвоение «чужого» не лишены у Бахтина позитивного смысла:

Выразить самого себя — это значит сделать себя объектом для другого и для себя самого... Это — первая ступень объективации. Но можно выразить и свое отношение к себе как к объекту (вторая стадия объективации). При этом собственное слово становится объектным и получает собственный же голос³⁷.

Самовыражение вне объективации, вне осознанной частичности своего же собственного образа в итоге оказывается невозможным.

Внутренняя неполнота внешнего образа, однако, не самоцель, а средство, благодаря которому коммуникация — т.е. осмысленное существование речевого субъекта — становится осуществимой: «Только мысль локализует

35 Лакан Жак. Семинары. Книга 11. Четыре основных понятия психоанализа / Пер. А.Ф. Черноглазова. М.: Гнозис, 2004. С. 221–222.

36 Лакан Жак. Семинары. Книга 5. Образование бессознательного / Пер. А.Ф. Черноглазова. М.: Гнозис, 2002. С. 287. См. подробнее: Ушакин С. Слова желания // Эротизм без берегов / Сост. М. Павлова. М.: НЛО, 2004. С. 463–465.

37 Бахтин М.М. Проблема текста // М. Бахтин. Собрание сочинений. Т. 5. М., 1996. С. 314.

меня целиком в бытии, но живой опыт ей не верит»³⁸. Или, чуть иначе: заочный характер объективированной идентичности («чужое-свое») выступает разновидностью того, что позже Гайатри Спивак, философ, переводчик и активный теоретик «движения подчиненных», назовет «стратегическим фундаментализмом» (*strategic essentialism*), т.е. осознанной эксплуатацией позитивистских сущностей для достижения прикладных политических целей³⁹.

В силу конкретных исторических причин у Бахтина такая прикладная сущностная самообъективация локализуется не политическими, а эстетическими рамками. Благодаря двойному дистанцированию — по отношению к своему «я» и к голосу о своем «я» — закладывается основа для нового — эстетического — типа жизнедеятельности: «Вненаходимость субъекта... — не предмет вживания и видения я — впервые делает возможной эстетическую активность оформленной»⁴⁰. Возможность эстетического суждения и стилевой организации (своих) поступков, предметов и слов, таким образом, обеспечивается неполнотой собственного присутствия (в поступках, предметах, словах). Само-объективация — «я как субъект суждения» — выступает одновременно и как само-отчуждение, и как само-преодоление: «Объективируя себя (т.е. вынося себя вовне), я получаю возможность подлинно диалогического отношения к себе самому»⁴¹.

Собственно, этот диалогизм по отношению к самому себе — закономерное следствие само-объективации — и становится у Бахтина второй, судя по всему, более приемлемой формой решения проблемы исходной несовпадаемости внутреннего и внешнего. Насилие усвоенного и присвоенного образа дезавуируется историчностью этого образа, его собственной вписанностью в определенные символические структуры и контексты. В итоге: «Я сижу всегда на двух стульях. Я строю свой образ (осознаю себя) одновременно и из себя, и с точки зрения другого» (68).

В психоаналитической теории Жака Лакана эта раздвоенность по отношению к своему «я» получит название «расщепленности» (*splitting*). Раздвоенность (Я/Другой) опосредуется словом, точнее языком; диада отношений, таким образом, триангулируется. Для Лакана является принципиальным то, что превращение индивида в субъект речи не только открывает ему доступ к осмысленному, артикулированному — «символическому», в терминологии Лакана — существованию, но и одновременно становится чертой, за которой возвращение к доязыковому и внеязыковому существованию невозможно. «Я» обречено быть эффектом (выученной) речи, продуктом локальной аранжировки «чужих слов». Но ненаходимость по отношению к собственному доязыковому опыту не исчезает бесследно:

...на уровне завершеного (*finished*) дискурса... мы находим согласие и соответствие между дискурсом, означающим и означаемым... которые и формируют те намерения, те жалобы, ту нечленораздельность и ту путаницу, в которых мы пребываем и из-за которых всякий раз, когда мы пытаемся что-то разъяснить, мы испытываем ощущение разлада, постоянной неспособности соответствовать именно тому, что мы хотим ска-

38 Бахтин М.М. К вопросам самосознания и самооценки // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 5. М., 1996. С. 72.

39 Spivak Gayatri Chakravorty. In Other Worlds — Essays in Cultural Politics. New York: Routledge, 1988. P. 205.

40 Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 1. М., 2003. С. 60.

41 Бахтин М.М. 1961 год. Заметки // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 5. М., 1996. С. 332.

зать. В этом реальность дискурса. Тем не менее мы знаем, что для повседневных нужд наш дискурс контролирует означаемое довольно успешно. И только лишь тогда, когда мы хотим добиться большего, когда мы пытаемся добраться до истины, мы оказываемся в полном смятении — и вполне заслуженно. Именно поэтому, кстати, в большинстве случаев мы и отказываемся от этой затеи⁴².

Идея дестабилизирующей локализации субъекта в пространстве дискурса, тема зазора, зияния, несовпадения между выраженным и переживаемым, пожалуй, наиболее ярко отразились у Лакана и Бахтина в обсуждении роли зеркала. Тексты, посвященные непосредственно проблематике отношений с зеркалом, невелики — в бахтинском «Человеке у зеркала» восемьдесят одно слово, лакановская «Стадия зеркала и ее роль в формировании функции я в том виде, в каком она предстает нам в психоаналитическом опыте» насчитывает чуть больше восьми страниц (в русском переводе). Вопреки своей немногословности, идеи, изложенные в этих текстах, во многом определили интеллектуальную траекторию обоих мыслителей. Кратко остановлюсь на ряде принципиальных совпадений между текстами Бахтина и Лакана.

Несмотря на принципиальные различия и теоретические предпочтения двух авторов, оба варианта «зеркальной стадии» сходятся в одном: идентичность — «образ души» у Бахтина, «я» у Лакана — имеет внешнюю природу. Как отмечал Бахтин: «Я осознаю себя первоначально через других: от них я получаю слова, формы, тональность для формирования первоначального представления о себе самом»⁴³. Разумеется, сам по себе этот вывод вряд ли сколько-нибудь примечателен и представляет собой лишь слегка модернизированную версию идеи о *tabula rasa* как исходном состоянии, которое предшествует формированию индивида. Оба теоретика дискурсивности, однако, на этом не останавливаются и дополняют старую идею о принципиальном характере внешнего опыта двумя основными характеристиками.

Во-первых, усвоенный целостный образ есть итог воображения, есть означающее, не имеющее адекватного референта. «Я» возникает как внешний продукт и как продукт для внешнего пользования: «Стоя на касательной к миру, я вижу себя [в зеркале. — С.У.] целиком находящимся в мире, таким, каким я являюсь только для других»⁴⁴. Собственно, эта идентификация субъекта со своим заочным образом и кладет начало отчуждающей функции «я»⁴⁵. Как писал Бахтин: «У меня нет точки зрения на себя извне, у меня нет подхода к своему собственному внутреннему образу. Из моих глаз глядят чужие глаза»⁴⁶.

Отчуждением «я», однако, зеркальная стадия не исчерпывается. Появление этого «дистанцированного», оформленного в словах и образах «я»,

42 Lacan Jacques. The Seminars of Jacques Lacan. Book III: The Psychoses. 1955–1956 / Trans. Russell Grigg. N.Y.: W. W. Norton & Company, 1997. P. 155.

43 Бахтин М.М. Рабочие записи 60-х — начала 70-х годов... С. 397.

44 Бахтин М.М. К вопросам самосознания и самооценки... С. 73.

45 Лакан Жак. Стадия зеркала и ее роль в формировании функции я в том виде, в каком она предстает нам в психоаналитическом опыте // Лакан Ж. Семинары. Книга 2. С. 510.

46 Бахтин М.М. Человек у зеркала // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 5. М., 1996. С. 71.

выполняет и вторую, форматирующую, функцию. Доступность и досягаемость образов/слов, приходящих извне, их «рельефная статуарность», как ее характеризовал Лакан, оказывается незаменимой в ситуации исходной расщепленности и незавершенности субъекта («свое/чужое», «извне/внутри» и т.п.): «Поиски собственного слова на самом деле есть поиски не собственного слова, а слова, которое больше меня самого; это стремление уйти от своих слов, с помощью которых ничего существенного сказать нельзя»⁴⁷. Избыток слова, его — слова — внаходимость по отношению к субъекту, не столько завершает, сколько оформляет субъекта («затылок, уши и спина»), обозначая при этом самим фактом своей избыточности состояние исходного несовпадения между «формой» и субъектом.

В «Стадии зеркала...» Лакана идея расщепленности субъекта носит менее дискурсивный, но не менее онтологический характер. Напомню, что в статье речь идет о динамике отношений, складывающихся между младенцем и его отражением в зеркале. Будучи еще не в состоянии самостоятельно передвигаться, ребенок тем не менее оживленно реагирует на свое отражение в зеркале, пытаясь установить взаимосвязь между своими движениями *перед* зеркалом и движениями своего отражения в зеркале.

Для Лакана эта реакция младенца на свой отдаленный образ становится метафорой самого процесса идентификации, т.е. «трансформации, происходящей с субъектом при ассимиляции им своего образа»⁴⁸. Поскольку ребенок еще не в состоянии управлять частями своего тела, то целостность отраженного тела в зеркале носит не только виртуальный, но и избыточный характер. Зеркальный отпечаток «целостного тела», иными словами, не столько отражает действительность, сколько предвосхищает ее развитие, являясь образующим, а не производным. Зрительный образ оказывается «символической матрицей». Или, словами Лакана:

Стадия зеркала, таким образом, представляет собой драму, чей внутренний импульс устремляет ее от несостоятельности к опережению — драму, которая фабрикует для субъекта, попавшегося на приманку пространственной идентификации, череду фантазмов, открывающуюся расчлененным образом тела, а завершающуюся формой его целостности, которую мы назовем ортопедической, и облачения, наконец, в ту броню отчуждающей идентичности, чья жесткая структура и предопределяет собой все дальнейшее умственное развитие. Таким образом, прорыв круга *Innenwelt* в направлении к *Umwelt* порождает неразрешимую задачу инвентаризации «своего Я»⁴⁹.

Фантазмы пространственной (внешней) идентификации, говоря иначе, и призваны скрепить, свести воедино, придать «ортопедическую» устойчивость фрагментированному субъекту. Любопытно, что для Лакана — как и для Бахтина — объективация («инвентаризация») «я» становится следствием выхода субъекта за пределы внутреннего мира. Однако внешняя — сценическая⁵⁰ — природа этой идентификации-как-инвентаризации

47 Бахтин М.М. Рабочие записи 60-х — начала 70-х годов. С. 412.

48 Лакан Ж. Стадия зеркала. С. 509.

49 Там же. С. 512.

50 Ср. у Бахтина: «Как дана моя внешность для меня самого. Фрагменты моего тела, непосредственно (без зеркала) данные мне извне. Как я представляю себя самого, когда думаю о себе. Я ставлю себя на сцену, но не перестаю ощущать себя самого в себе» (Бахтин М.М. К вопросам самосознания и самооценки... С. 72).

тем не менее не должна скрывать ее принципиальной важности для формирования «я» — «я» фрагментированного, составленного из «чужих» слов и зависящего от Других. Незавершенного и незавершаемого «я».

* * *

Мои попытки обозначить в этих заметках — безусловно, курсорно и крайне фрагментарно — возможные точки соприкосновения идей Бахтина с концепциями и взглядами других теоретиков дискурсивности во многом обусловлены «Перепиской...» М.Л./И.С. Сводя в одном пространстве Фуко, Лакана и Бахтина, прежде всего, я хотел показать, что тенденция к локализации Бахтина в «правильном» историческом контексте, что попытки определить/выстроить стройную *линию* развития бахтинской аргументации и теоретизирования — тенденции и попытки, обсуждаемые в «Переписке...», — это не единственный возможный способ взаимодействия с наследием Бахтина. «Подключение» к текстам Бахтина может происходить и благодаря дискурсивной перекличке его идей с идеями, рожденными в принципиально иных традициях и контекстах. Так, переклички, «озвученные» выше, позволили воспринимать полифонизм как раздробленность, диалогизм как расщепленность, а внаходимость — как заведомо обреченную попытку субъекта устойчиво «локализоваться» в чужом слове или образе. И важным — в данном случае — является не сам выбор авторов или направленность интерпретаций, сколько то, что именно благодаря таким «соприкосновениям» с другими текстами и появляется возможность избежать угрозы появления «мертвой точки» — на этот раз уже в тексте самого Бахтина.